

ПАРОДИЯ ПРЕДПОЛАГАЕМОГО У А. С. ПУШКИНА

Zdeněk Pechal (Olomouc)

Известно, что через месяц после работы над «Борисом Годуновым» Пушкин написал «Графа Нулина». Несколько лет спустя (Заметка о Графе Нулине 1830) Пушкин вернулся к этому времени словами: «В конце 1825 года находился я в деревне. Перечитывая «Лукрецию», довольно слабую поэму Шекспира, я подумал: что если б Лукреции пришла в голову мысль дать пощечину Тарквинию? быть может, это охладило бы его предприимчивость и он со стыдом принужден был бы отступить? – Лукреция б не зарезалась, Публиккола (Коллатина З. П.) не взбесился бы, Брут не изгнал бы царей, и мир и история мира были бы не те.

Итак, республикою, консулами, диктаторами, Катонами, Кесарем мы обязаны соблазнительному происшествию, подобному тому, которое случилось недавно в моем соседстве, в Новоржевском уезде.

Мысль пародировать историю и Шекспира мне представилась и я не мог воспротивиться двойному искушению и в два утра написал эту повесть.

Я имею привычку на моих бумагах выставлять год и число. Граф Нулин писан 13 и 14 декабря. – Бывают странные сближения.»¹ Граф Нулин воспринимается как бытовой анекдот и мысль о том, что человечество развивалось бы иначе, если бы Лукреция дала пощечину Тарквинию, представляет собой пародию истории, когда случайность, личный случайный поступок играет далеко не ничего не значащую роль. Но дело не только в игривом анекдоте. Дело в возможном значении влияния мелочного и смешного на ход истории. Смешное заметил тоже Л. Н. Толстой словом «ridicule» в связи с великолепным ходом истории и миропонятием Андрея Болконского. Великолепный, всем известный ход исторических событий Бориса Годунова, трагедия царя и российского государства получают странный фон в виде провинциальной и анекдотической пощечины, бытового анекдота и комической сцены молодой хозяйки и превращения мужского великосветского самолюбия в постыдный бег.

Жанр героического эпоса имеет свои выработанные формулы, которые из средневековых *chanson de geste* переходят в европейский классицизм. Под углом классицистической эстетики была воспринята

¹ Пушкин, А. С., Полное собрание сочинений. Москва – Ленинград 1949. т. 7, с. 226. Смотрите также: Гуковский, Г. А.: Пушкин и проблемы реалистического стиля. Москва 1957. Krejčí, K.: Heroikomika v básnictví Slovanů. Praha 1964.

поэма «Руслан и Людмила». Критика ожидала равновесие классической эстетики и была разочарована. И это был не только язык. Это была насмешка над серьезностью эстетического канона классицизма. Были замечены и выделены те личные черты героев, которые ставили под сомнение торжественный образ великолепного исторического хода.

Один из соперников Руслана – Фарлаф, сладко подремав, обедал в мирной тишине. Как вдруг он видит: кто-то в поле, как буря, мчится на коне. Фарлаф со страха скорчился, ожидая смерти. И когда он лежал во рву, думая, жив ли он, слышит над собой голос старухи. «... последуй моему совету, ступай тихонько назад. Под Киевом, в уединенье, в своем наследственном селенье, останься лучше без забот.»² И Фарлаф, у которого читатель предполагал сопротивление классического героя, смиренно повиновался.

Или грусть Людмилы. Она в руках темной власти злого колдуна, который Людмилу лишил свободы и Руслана. Слезы отчаяния, ужас, усталость. И вдруг в пути появился роскошный обед перед ней. Но пленная Людмила думает, что она в неволе и зачем же ей жить, думает о том, что умереть сумеет.

«Не нужно мне твоих шатров,
ни скучных песен, ни пиров -
не стану есть, не буду слушать,
умру среди твоих садов!»³

И следует для классически разыгранной сцены сентиментальной трагедии неожиданная концовка. После страдальческих мечтаний, после «умру среди твоих садов» – подумала и стала кушать.

Или великолепный сон Григория из Бориса Годунова о высоте царской власти и убеждение в том, что он, ничего не значащий молодой монах предназначен на престол великого русского царя. Где-то в углу монастырской кельи сидит отец Пимен и тщательно описывает в летописи поступки царя, который надеется, что про его убийство будет забыто и все трепещет и даже напомнить о царском младенце никто не смеет. Ничего не значащий Григорий уехал со странной мечтой: «Я буду царем на Москве». Но мечта начинает постепенно осуществляться. Гришка Отреплев стремится к солнечному престолу. Но на пути встретит Марину Мнишек и сразу же забудет о своем назначении. Забудет про мечту о царевице и перед женской красотой говорит, что глядит равнодушно на трон и царскую власть. Осталась только любовь к Марине Мнишек. Но женский ответ сразу же заставит Григория опомниться и заставляет его продолжать путь великолепного сна и мечты. «Стыдись; не забывай высокого святого

² Пушкин, А. С.: Сочинения, М. 1955, т. 2, с. 33.

³ Там же с. 39–40.

назначения.» И женские слова опять возвращают Гринску Отреплева на заранее ему предназначенный путь. И здесь можно напомнить о словах Пушкина, что человечество развивалось бы иначе, если бы Лукреция дала пощечину Тарквинию, представляет собой пародию истории, когда индивидуальный поступок играет далеко не ничего не значащую роль. Судьба России развивалась бы иначе, если бы польская красавица поддержала Григория не в его пути на престол, а в его любви. Надо иметь в виду, что бытовой анекдот о графе Нулине был написан в то же самое время.

Можно также привести образ Ленского из Евгения Онегина. Восторженная маска Ленского, геттингенский дух свободолюбия, трагический вид торжественности духа вдруг превращается в пылкого дуэлиста. Критический дух рассказчика превращает гибельную трагедию в насмешливый образ Ленского в будущем. Хладнокровная гибель и грусть от ненужной смерти соседствует с образом предполагаемого будущего.

А может быть и то: поэт
 обыкновенный ждал удел.
 Прошли бы юношеские лета:
 В нем пыл души бы охладел.
 Во многом он бы изменился.
 Расстался бы с музами, женился
 В деревне счастлив и рогат
 носил бы стеганный халат. (...)
 Пил, ел, скучал, толстел, хирел.
 И наконец в своей постеле
 Скончался б посреди детей,
 плаксивых баб и лекарей.»⁴

Уже на первых страницах «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина» можно найти пародию ожидаемой серьезности, когда редактор утверждает, что письмо бывшего знакомого Белкина помещено безо всяких перемен и примечаний, и неожиданно пропускает анекдот, который издатель считает излишним в связи с фактами о жизни автора записок. Парабола библейского сюжета о блудном сыне «В станционном смотрителе» намекает на возможное будущее развитие сюжета. Но пушкинский сюжет не то что не подтверждает предполагаемое несчастное возвращение Дуни из Петербурга, а, наоборот, пародирует библейскую повесть и пародирует ожидаемое развитие действия. Это не только пародия сюжета в целом, а также пародия отдельного поведения героев, которое бы мы ожидали, зная подобные сюжеты времени сентиментализма. Характерен момент,

⁴ Там же, т. 3, с. 113–114.

когда старик прибыл в Петербург с намерением вернуть дочь домой. Но Минский отказался отдать Дуню отцу, и, «смотрящий, сам не помня как, очутился на улице. Долго стоял он неподвижно, наконец увидел за обшлагом своего рукава сверток бумаг; он вынул их и развернул несколько пяти и десятирублевых смятых ассигнаций. Слезы опять навернулись на глазах его, слезы негодования! Он сжал бумажки в комок, бросил их наземь, притоптал каблуком и пошел... Отошел несколько шагов, он остановился, подумал... и воротился... но ассигнаций уже не было. Хорошо одетый молодой человек, увидя его, подбежал к извозчику, сел и поспешно закричал: пошел!.. Смотритель за ним не погнался.»

Великая дума Петра I («Стоял он, дум великих полн») превращается в ужас последствий настоящего исторического поступка. Мечта Евгения о жизни с Парашей превращается в сумасшедший хохот. Шутка и трагедия истории близка пародии оптимизма творческого государственного авторитета и пародии серьезных и великолепных мечт человека о его деятельной активности.

Таким образом Пушкин обращает наше внимание на ожидаемые моменты, на действия, развитие которых можно предугадать на основе схемы классицизма и его выработанных сюжетов, сказок, сентиментальных и романтических образов, знания русской истории. Если ожидание жанра или сюжета не осуществляется, читатель не встречает знакомые ему результаты, чувствуется, что предполагаемое решение отвергается, то он начинает сомневаться и колебаться, чувствует замысел пародии ожидаемого и предполагаемого. Биполярная основа пародии расширяет возможности интерпретации. В известном явлении начинают проявляться до сих пор не замеченные черты. Не только история начинает показываться в смешном виде, а также люди, которые далеко не творцы судьбы, а лишь подчиненные марионетки. Герой хочет что-то сделать, но в конце получается результат, которого не хотел никто. Это, с одной стороны, комическая насмешка над честолюбием человека, с другой стороны, это личная трагедия человеческого существования. Биполярная структура пушкинской пародии является расширением понимания мира от крайнего комизма до крайней трагедии. Человек хотел повлиять на развитие и ход истории или только мечтал о личном счастье. Но получается такой сплав разных моментов, который ставит под сомнение всякую логичность событий. Предполагаемое не осуществляется, личный, на первый взгляд, ничего не значащий поступок приобретает характер поворотного исторического импульса. Это пародия ожидаемой серьезности. Это на первый взгляд шутка и анекдот. Это и смешно, и трагично, как всякий анекдот, который человек себе придумал, или который был ему придуман.